

DOI: 10.31857/S241377150007804-7

Поэтика загадки: о стихотворении Осипа Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу...”

© 2019 г. И. З. Сурат

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
i-surat@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 30 сентября 2019 г.

Дата публикации: 31 декабря 2019 г.

Резюме. Статья посвящена малоизученному стихотворению Осипа Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу...” (1925), в одной из публикаций названному “Цыганка”; проанализированы особенности его поэтики и семантики, фольклоризованный сюжет и язык, дан комментарий к его мотивам и образам, осмыслены подтексты, главным образом — пушкинские, связи с эпизодами “Евгения Онегина” и “Путешествия в Арзрум”, баллады “Жених”, трагедии “Борис Годунов”. Центральный образ стихотворения поставлен в контекст цыганской темы у Мандельштама. Обоснована мысль, что в основе лирического сюжета стихотворения лежит сон, маркеры которого присутствуют в тексте. Поэтика стихотворения определяется как “поэтика загадки”, поэтика “смыслового зияния”, оставляющая открытыми возможности понимания текста. Фольклоризованный сон героя и весь сюжет стихотворения заполняется смыслами в общей перспективе творчества Мандельштама начала 1930-х годов, и, в частности, в сопоставлении со стихотворением “Неправда” (1931), где повторяются и переосмысляются мотивы “Цыганки”.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, лирика, поэтика, семантика.

Для цитирования: Сурат И.З. Поэтика загадки: о стихотворении Осипа Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу...” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 6. С. 67–73. DOI: 10.31857/S241377150007804-7

Poetics of Mystery: About Osip Mandelstam's Poem “Tonight, I Will Not Lie...”

© 2019 Irina Z. Surat

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
i-surat@mail.ru

Received: September 30, 2019

Date of publication: December 31, 2019

Abstract. The article is dedicated to the poorly studied poem by Osip Mandelstam “Tonight, I will not lie...” (1925), entitled in one of the editions “The gypsy”; it analyzes particularities of its poetics and semantics, its folklore plot and its language. The article also gives a commentary about motifs and images in the poem, reflects its subtexts, in particular the ones that refer to Pushkin, connections to episodes from “Evgeny Onegin”, “The journey to Arzrum”, the ballad “The groom”, the tragedy “Boris Godunov”. The central image of the poem is studied within the context of the gypsy subject in Mandelstam's work. In the article is being substantiated the

idea that the lyrical plot of the poem is based on a dream, signs of which appear in the text. The poetics of the poem is defined as “poetics of mystery”, “poetics of meaning gap”, that leaves open ways of understanding the text. The folklore dream of the protagonist and the whole plot fill up with meanings in the general perspective of Mandelstam’s work in the beginning of the 1930s, and, in particular, in comparison with the poem “Falsehood” (1931), in which motifs of “The gypsy” are repeated and rethought.

Key words: Osip Mandelstam, lyrics, poetics, semantics.

For citation: Surat, I.Z. *Poetika zagadki: o stikhotvorenii Osipa Mandelshtama “Segodnya nochyu, ne solgu...”* [Poetics of Mystery: About Osip Mandelstam’s Poem “Tonight, I Will not Lie...”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 6, pp. 67–73 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007804-7

Сегодня ночью, не солгу,
По пояс в тающем снегу
Я шел с чужого полустанка.
Гляжу — изба, вошел в сенцы —
Чай с солью пили чернецы,
И с ними балует цыганка...

У изголовья вновь и вновь
Цыганка вскидывает бровь,
И разговор ее был жалок;
Она сидела до зари
И говорила: “Подари
Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок”.

Того, что было, не вернешь,
Дубовый стол, в солонке нож,
И вместо хлеба — еж брюхатый;
Хотели петь — и не смогли,
Хотели встать — дугой пошли
Через окно на двор горбатый.

И вот проходит полчаса,
И гарнцы черного овса
Жуют, похрустывая, кони;
Скрипят ворота на заре,
И запрягают на дворе;
Теплеют медленно ладони.

Холщовый сумрак поредел.
С водою разведенный мел,
Хоть даром, скука разливает,
И сквозь прозрачное рядно
Молочный день глядит в окно
И золотушный грач мелькает.

1925 [1, с. 141]

Стихотворение было трижды напечатано при жизни поэта, с небольшими разночтениями; в публикации журнала “Новый мир” [2] имело название “Цыганка”, снятое в сборнике “Стихотворения” 1928 года. Сохранилась запись авторского чтения, сделанная С.И. Бернштейном 27 марта 1925 года, прочитанный вариант совпадает с текстом первой публикации в журнале “Ленинград” [3]; есть автограф первых 7-ми стихов, продолженный рукой Надежды Яковлевны, на бланке

журнала “Новый мир”¹, — по мнению А.Г. Меца, здесь текст представлен “в виде цикла из двух стихотворений” [1, с. 588], однако автограф-список не дает оснований к такому заключению.

“Цыганка” оказалась на периферии исследовательского внимания. В отличие от других стихов Мандельштама, многим из которых посвящены десятки статей, “Цыганка” специальным образом рассмотрена лишь в одной работе — в статье С.Г. Шиндина «Стихотворение Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу...”: опыт “культурологической” интерпретации», опубликованной в 1997 году [4] и вошедшей в расширенном виде в недавнюю его работу “Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III” [5]. Видимо, имея в виду эту недоизученность, М.Л. Гаспаров в своем связном комментарии к лирике Мандельштама писал: «Загадочным остается стихотворение “Сегодня ночью, не солгу...”» [6, с. 773]. Мы надеемся, что стихотворение останется загадочным после всего, что здесь будет о нем сказано, поскольку загадочность составляет основу его семантики и поэтики, но саму эту загадочность можно попробовать описать и осмыслить.

“Цыганка” — редкий у Мандельштама случай сюжетной лирики; стихотворение строится как рассказ о происшествии, и говорящий настаивает на его правдивости: “не солгу”, — но за этим обещанием сразу же следует деталь неправдоподобная: “по пояс в тающем снегу”, и эта деталь переводит рассказ из реальности в пространство тяжелого, вязкого сна. В стихотворении есть и другие маркеры сна, но границы его не объявлены, поэтическая реальность двойится, расплывается, время перебивается с настоящего на прошедшее в пределах одной поэтической фразы: *пили чернецы — балует цыганка, вскидывает бровь — разговор ее был жалок* — герой стихотворения и субъект поэтической речи то оказывается внутри сна,

¹ ГЛМ. Ф. 49. Оп. 2. Ед.хр. 56.

в настоящем времени, то рассказывает о нем в прошедшем.

Сюжет сна постепенно раскрывается как условно фольклорный, сказочный или балладный: герой попадает в чужое, нечистое пространство, где с ним происходит что-то странное, темное, смутное. Поиск конкретного фольклорного источника здесь обречен на провал, зато в ряде мотивов просматриваются связи с фольклоризованными литературными текстами, хорошо известными Мандельштаму, — это сон Татьяны из пятой главы “Евгения Онегина” [6, с. 773] и пушкинская баллада “Жених”, где героиня рассказывает страшную правдивую историю под видом сна. Татьяна, напомним, во сне тоже вязнет в снегу (“снег рыхлый по колено ей”), тоже попадает — не в избу, но в шалаш — на странную трапезу и хочет скорее вырваться оттуда; Наташа, героиня “Жениха”, рассказывает, как во сне зашла в избу и тоже видела нехорошую трапезу (“За стол садятся не молясь и шапок не снимая”); и там, и там фигурирует нож — им совершается преступление, убийство; у Мандельштама нож упомянут, но оставлен без употребления — на фоне двух этих подтекстов, да и сам по себе нож воспринимается как деталь тревожная, как знак возможного насилия. Надо ли говорить, что герой этих стихов не отождествляет себя с пушкинскими героинями? Речь не об этом, а о типологически сходных фольклоризованных сюжетных ситуациях, вмещенных в раму сна. Еще один пушкинский подтекст “Цыганки” — сцена “Корчма на литовской границе” из “Бориса Годунова” [6, с. 773, со ссылкой на Ю.Л. Фрейдина] с чернецами-пьяницами и угощающей их хозяйкой, но в этом случае важен не сюжет, а сама простонародная атмосфера и драматизм пушкинской сцены. Все названные подтексты и ассоциации создают смысловой объем “Цыганки”, связывают ее с поэтической традицией, усложняют и обогащают восприятие текста.

“Чай с солью пили чернецы” — по этому поводу читаем у С.В. Поляковой: “Речь у Мандельштама идет о бытовой детали, типичной — преимущественно до революции — для обихода бедного люда, когда вместо дорогого и потому не всегда доступного сахара, чай, особенно в деревнях, пили вприкуску с солью, во время постов тоже не полагалось есть сахар (если так называемый постный сахар). Возможно, что чернецы постились и потому обходились вместо сахара солью, или были настолько неимущи, что отказывали себе в сахаре” [7, с. 162] (полемику с этим толкованием см. в статье С.Г. Шиндина [5]). Однако никакие бытовые объяснения не отменяют художественного значения этого мотива в образной структуре

стихотворения. Чай с солью — питье заведомо непривлекательное, неправильное, невкусное; в связи с этой деталью можно вспомнить яркий эпизод из пушкинского “Путешествия в Арзрум”, из его первой главы — рассказ о посещении калмыцкой кибитки: “Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. <...> В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться, и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже”². У Мандельштама явной оценки нет, но некоторый эмоциональный отсвет пушкинской сцены ощущается. Так или иначе “чай с солью” тут звучит парадоксально — это резкий вход в перевернутый, изнаночный мир сна.

Столь же странным и недолжным кажется соседство чернецов и цыганки, их непонятные занятия, их сомнительная связь. Цыганка — центральный образ стихотворения, давший ему название в одной из публикаций; она наделена речью и портретной деталью, в отличие от всех, кто здесь присутствует вместе с рассказчиком. Цыганская тема у Мандельштама проходит пунктиром через ряд произведений 1920–1930-х годов; в его стихах цыганка либо танцует (“С миром державным я был лишь ребячески связан...”, 1931, “Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...”, 1931), либо гадает (“Как по улицам Киева-Вия...”, 1937) — в нашем стихотворении она скорее всего гадает, но прямо это не сказано; она “балуется” с чернецами — слово столь же туманное, сколь и выразительное. Без прямого дополнения оно означает не только “шалить, дурить, проказничать”, но также и “разбойничать, грабить” — это значение зафиксировано в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова 1935 года издания с пометой “обл.” [8, стб. 83], т.е. имеет разговорный или просторечный характер. Других случаев подобного словоупотребления у Мандельштама не находится, но вот близкий по времени пример из М. Цветаевой:

Ветер, ветер, выметающий,
Заметающий следы!
Красной птицей залетающий
В белокаменные лбы.

Длинноногим псом ныряющий
Вдоль равнины овсяной.
— Ветер, голову теряющий
От юбочки кружевной!

² Это и некоторые другие наблюдения содержатся в беседе в Живом журнале по адресу: <https://k-elisseeff.livejournal.com/14105.html>

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу,—
Ветер — висельник и ветреник,—
В кулачке тебя держу!

Полно баловать над кручами,
Головы сбивать снегам,—
Ты — моей косынкой скрученный
По рукам и по ногам!

За твои дела острожные,—
Расквитаемся с тобой,—
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной — да во лбу — звездой!

1920 [9, с. 554–555]

В этом поэтическом иносказании о борьбе красных и белых “баловать” определенно означает “разбойничать” и даже “убивать”; в “Цыганке” такое определенное значение не выражено, но есть оттенок дурного, нечистого и при этом не конкретизированного действия. С учетом диалектного эротического значения, до сих пор фиксируемого в разговорной речи, это слово вносит в стихи глухо звучащую тему соблазна. “У изголовья вновь и вновь / Цыганка вскидывает бровь...” — она что-то навязывает, что-то вымогает³, смысл ее действий не прояснен, что вполне отвечает ситуации сна. Упоминание “изголовья” — еще один маркер сна и двуслойной структуры текста: герой одновременно существует внутри сюжета и видит себя спящим, рассказывая сон.

В связи с образом цыганки в этих стихах нужно учесть одно указание Надежды Яковлевны: вспоминая о любви Мандельштама к первоизданиям поэтов XIX века, она в их числе называет Александра Полежаева и говорит, что Мандельштам особо отмечал его “Цыганку” [11, с. 287]. В стихотворении Полежаева дан яркий, детализированный эротический портрет цыганки, завершается оно темой “лукавого сна” и “приворотной травы” — темой чар; у Мандельштама цыганка обрисована скупой, мы видим только вскинутую бровь и слышим обрывок речи, цельного портрета нет, есть расплывчатое видение, при этом все дальнейшее, что рассказано в третьей, центральной строфе, как-то связано с цыганкой, с ее “баловством” и вымогательством, может быть, с гаданием — подразумеваемым, но не названным.

³ Через несколько лет Мандельштам напишет в “Четвертой прозе” резкие слова о “вороватой цыганшине писательского отродья”, о метафорическом “скрипучем таборе немых романес”, пытавшихся научить его “своему единственному ремеслу, единственному занятию, единственному искусству — краже” [10, с. 554–555].

“Того, что было, не вернешь” — это звучит как строка из романса и как вердикт гадалки, этим стихом отрезано прошлое, проведена граница между “тем, что было” и новым бытием, над которым герой не властен; ср. в более позднем тексте: “Нельзя было ничего наверстать и ничего исправить: все шло обратно, как всегда бывает во сне” (“Египетская марка”, 1927 — [10, с. 301]). “Дубовый стол, в солонке нож” — ряд простых реалий продолжен образом неожиданным, нарушающим порядок вещей: “И вместо хлеба — ёж брюхатый”. Указание комментатора на связь этого образа с прозой Николая Баршова [1, с. 588] не кажется убедительным (возражения см.: [5]), скорее, он соотносится с чудовищами из сна Татьяны и со всякой фольклорной нечистью; в любом случае “ёж брюхатый” — знак абсурда, искажения реальности, но главное — что он замещает хлеб. В поэтической семантике Мандельштама хлеб связан с самыми важными вещами и ценностями, такими как *слово*, *вера*, *правда*, *дом*, — с сущностными основами жизни, так что подмена хлеба во сне героя — это какая-то трещина в бытии, вытеснение чего-то жизненно важного чем-то бессмысленным, абсурдным.

В мире сна человек лишен своей воли, он не может кричать, бежать, делать то, что он хочет. Вспомним, как у Пушкина:

И страшно ей: и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может...

В “Цыганке” происходит что-то подобное: “Хотели петь — и не смогли, / Хотели встать — дугой пошли / Через окно на двор горбатый”⁴; действие уподоблено “горбтому” пространству, но самое здесь интересное и существенное зафиксировано в грамматической структуре этих стихов, вызывающей вопрос: кто хотел петь? кто хотел встать — они или мы? рассказчик наблюдает все это со стороны, или он тоже оказался во власти темных сил? Ответ не вполне очевиден, в эллиптической конструкции подлежащее опущено и значимым оказывается само исчезновение первого лица: в начале стихотворения отчетливо выражено Я рассказчика — теперь же оно растворено, видимо, герой разделяет с присутствующими их обезличенное состояние, их обезволенные действия в искаженном, “горбтом” пространстве сна.

Собственно, на этом сюжет сна обрывается, и что там случилось с героем, так и остается не

⁴ Напомним, что в сцене в корчме из “Бориса Годунова” Григорий Отрепьев спасается через окно.

проясненным. Можно предположить, что он вместе с чернецами пил нехорошее питье и ел дурную еду вместо хлеба, и через эту еду прошло действие чар. Но никаких оснований, подтверждающих или опровергающих это предположение, в тексте стихотворения нет, а есть то, что Савелий Сендерович, исследуя морфологию народной загадки, назвал “смысловым зиянием” [12, с. 35–39], не предполагающим заполнения, отгадки, — в отличие от “опущенных звеньев”, которыми, по собственному его признанию, мыслил Мандельштам [13, с. 19] и которые могут быть восстановлены в читательском восприятии.

По смысловой своей структуре стихотворение двухчленно: между 3-й и 4-й строфами проходит граница сна, но граница неявная, не объявленная — реальность проступает постепенно в ощущении точного времени, характерном для бодрствующего сознания (“проходит полчаса”), в нарастающих утренних звуках, в деталях. Пояснения к одной из них дала Надежда Яковлевна: «“Теплеют медленно ладони” — у М. было больное сердце. При пробуждении у людей с плохим сердцем всегда холодные ладони, которые лишь постепенно теплеют» [14].

Выход из морока в реальность передан в стихотворении как постепенный переход от черного к белому цвету: *ночью, чернецы, черного овса — сумрак — с водою разведенный мел — молочный день*. Ночь рассеивается, сумрак сменяется белесым, но еще не белым цветом разведенного мела, а затем и цветом молока, то есть тоже не совсем белым. В слове “молочный” совмещены два значения — “белый, как молоко” и “только народившийся”, ср.: “детское молочное пьянино” в других стихах (“Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...”, 1931). Мандельштам тонко разбирал оттенки цветов, ощущал и называл их часто по веществам, им соответствующим: “янтарь и мясо красных глин”, “желтая мастика”, “сахар жженный”, всё это — обозначения цвета, таких примеров у него немало. Так и здесь “мел” и “молочный” присутствуют именно как два оттенка белого. В “Цыганке” других цветов нет, только черный и белый — это вообще самые частые цветовые определения у Мандельштама, при всем богатстве его палитры, и черный — на первом месте по частоте, а белый, с большим отрывом, — на втором.

Завершает картину утра “золотушный грач”, оставляющий ощущение болезненности, слабости — это переживается как послевкусие сна. Наступившая реальность кажется более зыбкой и призрачной, чем сон, обладающий качеством реальности.

“Цыганка” написана на пороге молчания — с 1925 года до осени 1930 года Мандельштам стихов

не писал, обстоятельства его жизни в конце 1920-х были особенно драматичны. И само пороговое положение стихотворения, и проведенная в нем черта между прошлым и настоящим (“того, что было, не вернешь”) заставляют задуматься о том, как оно связано с действительностью и в каких проекциях выразилось в нем самоощущение поэта. С.Г. Шиндин находит в “Цыганке” параллели с историей литературно-артистического кабаре “Бродячая собака”, а также «реализацию универсальной культурной модели “пира во время чумы” и прощание с “уходящей исторической эпохой» [5], т.е. так или иначе видит в этих стихах отражение прошлого. Между тем, стихотворение самой своей поэтикой сопротивляется собственно “прочтению”, то есть всякой попытке привязать его сюжет к реальным обстоятельствам места и времени. Оно содержит не только сон о гадании, но и “гадание на сон”, подобное тому, какое описал Пушкин в пятой главе “Евгения Онегина”, только Татьяна у Пушкина гадает сознательно, вступая при этом “в общение с нечистой силой” [15, с. 266], — она пытается истолковать сон как предвестие своей судьбы; у Мандельштама же сон просто предьявлен лирическим субъектом стихотворения, как и наступающая за ним размытая реальность.

Эти два примера из Пушкина и Мандельштама иллюстрируют типологию культурных моделей сна, предложенную Ю.М. Лотманом в статье “Сон — семиотическое окно”: следуя этой типологии, можно сказать, что у Пушкина описан “сон-предсказание — окно в таинственное будущее”, а у Мандельштама — “сон как путь внутрь самого себя” (см.: [16, с. 223]). Согласно Ю.М. Лотману, сон “индивидуален, проникнуть в чужой сон нельзя”, он непересказуем, он «обставлен многочисленными ограничениями, делающими его чрезвычайно хрупким и многозначным средством хранения сведений. Но именно эти “недостатки” позволяют приписывать сну особую и весьма существенную культурную функцию: быть резервуаром семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами. Это делает сон идеальным *ich-Erzählung*’ом, способным заполняться разнообразным, как мистическим, так и эстетическим истолкованием» [16, с. 225–226]. Определение семиотической сути сна как открытого окна возможностей довольно точно соответствует лирическому сюжету “Цыганки” с его открытым финалом, с выходом из загадочного сна в неопределенность, в смутность нового дня, глядящего в окно.

Сон о цыганке и весь лирический сюжет стихотворения получает некоторую определенность и “заполняется смыслами” в перспективе написанного через шесть лет стихотворения “Неправда”:

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
— Дай-ка я на тебя погляжу —
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

— Захочу, — говорит, — дам еще...
Ну а я не дышу, сам не рад...
Шасть к порогу — куда там... В плечо
Уцепилась и тащит назад.

Вошь да глушь у нее, тишь да мша,—
Полуспаленка, полутюрьма.
— Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.

4 апреля 1931 [1, с. 158]

Фольклоризованные сюжеты “Цыганки” и “Неправды” сходны, на это указал С.Г. Шиндин [5]: в “Неправде” тоже герой попадает в какую-то избу, и тоже, видимо, ночью (“я с дымящей лучиной вхожу...”), там он оказывается во власти некой силы, персонифицированной в женском существе, но в “Неправде” краски гуще — цыганка всего лишь сомнительна, тогда как *неправда* определенно связана со злом, похожа на Бабу Ягу и наделена качеством шестипалости. Эту деталь пояснила Надежда Яковлевна: «О шестипалости — это, конечно, фольклор, но, кроме того, кличка была и “рябой”, и “шестипалый”... Как, ты не знаешь: у него на руке (или на ноге) — шесть пальцев... И об этом будто в приметах охраны... Впрочем, здесь связь далеко не прямая, ход такой: для людей шестипалость — примета зла» [17]. Предостережение не лишнее: жесткая привязка этого образа к Сталину соблазнительна, но не имеет опор в ближайшем биографическом и творческом контексте.

Снова в центре стихотворения мотив дурной трапезы, но еда здесь не сомнительна, как в “Цыганке”, а отвратительна, и при этом она настойчиво предлагается, навязывается герою. Комментируя этот мотив, Надежда Яковлевна рассказывает: «“Ребятчи пупки” — О.М. не выносил никаких внутренностей — пупков, печенки, почек... (см. требуху в “Египетской марке”⁵). Читая Джойса, был поражен, что Блюм обожает всю эту пахучую еду... Понял, что и у Джойса такое же, как

у него, отвращение к внутренностям. <...> “Соленые грибки” — русский деревенский дом, единственное, пожалуй, здесь отвратительное, что горшок стоит под нарами...” [17, с. 254].

Если в “Цыганке” остается неясным, приобрел ли герой к сомнительной трапезе, то в “Неправде” он не может отказаться, и ему предлагают еще. Тот сюжет, который лишь проступал в “Цыганке”, здесь проявлен отчетливо: там герой, попав в странное место, незаметно растворяется среди других, видимо, под действием чар — здесь он вступает в прямой, физический контакт с темной силой, пытается вырваться и не может, и в итоге остается в этой “полутюрьме”, признавая *неправду* (“хороша, хороша...”) и свое родство-кумовство с ней. Главное различие двух стихотворений состоит в том, что в “Цыганке” это был маркированный сон, а здесь, при сновидческой природе сюжета, все происходит как будто наяву, как будто прежнее “гадание на сон” сбывается и сон оборачивается явью, отчетливой и страшной. И самое страшное в “Неправде” — не отвар из “ребячьих пупков”, а финальное признание героя: “Я и сам ведь такой же, кума”.

“Неправда” отпочковалась от большого черновика, из которого выросли еще два стихотворения: “За гремучую доблесть грядущих веков...” и “Нет, не спрятаться мне от великой мур...” Эти стихи и примыкающее к ним “Сохрани мою речь навсегда...” (все — 1931 года) очень драматичны, в них поэт выясняет свои отношения с современностью, свое место в ней. Черновик, по наблюдению М.Л. Гаспарова, устроен как “диалог между двумя частями сознания поэта” [6, с. 778], в нем зарождается тема неправды: “к шестипалой неправде в избу”, “и неправдой искривлен мой рот” [1, с. 475], затем она вырастает в отдельный текст, продиктованный “сознанием причастности к всеобщей неправде и своей ответственности за нее” [6, с. 778]. Надежда Яковлевна так пояснила общий смысл “Неправды”: “Христианское самосознание, чувство вины, греха” [14].

Линия, ведущая от “Цыганки” к “Неправде”, высвечивает обратным ходом неявные смыслы первого стихотворения — как сна-предчувствия, сна-видения того, чего нет, но будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.
2. *Мандельштам О.* Цыганка // Новый мир. 1927. № 6. С. 80.
3. *Мандельштам О.* “Сегодня ночью — не солгу...” // Ленинград. 1925. № 20. С. 4.

⁵ «Они воняют кишечными пузырями», — подумал Парнок, и почему-то вспомнилось страшное слово “требуха”. И его слегка затошнило как бы от воспоминания о том, что на днях старушка в лавке спрашивала при нем “легкие”, — на самом же деле от страшного порядка, сковавшего толпу» [10, с. 281].

4. Шиндин С.Г. Стихотворение Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу.”: опыт “культурологической” интерпретации // *Натура и культура: Славянский мир*. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 146–164.
5. Шиндин С.Г. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III // *Toronto Slavic Quarterly*. № 59. Winter 2017 [http://sites.utoronto.ca/tsq/59/Shindin_59.pdf]
6. Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / [Предисл. и коммент. М.Л. Гаспарова]. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. 894 с.
7. Полякова С.В. “Олейников и об Олейникове” и другие работы по русской литературе. СПб.: Инапресс, 1997. 381 с.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Ред. Д.Н. Ушаков. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935.
9. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.
10. Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2: Проза. М., Прогресс-Плеяда, 2010. 760 с.
11. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. XX, 552 с.
12. Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки Славянской Культуры, 2008. 208 с.
13. Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. 518 с.
14. Комментарии Н.Я. Мандельштам к стихам О.Э. Мандельштама в записи В.М. Борисова / Публикация С.В. Василенко // “Сохрани мою речь...” Мандельштамовский альманах. Вып. 6 (в печати).
15. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
16. Лотман Ю.М. Сон — семиотическое окно // Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Издательская группа “Прогресс”, 1992. С. 219–226.
17. Мандельштам Н.Я. Третья книга. М.: Аграф, 2006. 559 с.
- interpretatsii [The Mandelshtam’s Poem “Tonight, I Will not Lie...”: A “Culturological” Interpretation Attempt]. *Natura i kultura: slavyanskij mir* [Nature and Culture: Slavic World]. Moscow, The Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 1997, pp. 146–164. (In Russ.)
5. Shindin, S.G. *Kniga v biografii i khudozhestvennom mirovozzrenii Mandelshtama. III* [Book in the Biography and Artistic Outlook of Mandelshtam. 3]. *Toronto Slavic Quarterly*, N59, Winter 2017 — http://sites.utoronto.ca/tsq/59/shindin_59.pdf (In Russ.)
6. Mandelshtam, O.E. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2001. 894 p. (In Russ.)
7. Polyakova, S.V. “*Olejnikov i ob Olejnikove*” i *drugie raboty po russkoj literature* [“Olejnikov and on Olejnikov” and other Essays on Russian Literature]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1997. 381 p. (In Russ.)
8. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka v 4-kh tomakh. Red. D.N. Ushakov. T. 1* [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. Ushakov, D.N. (Ed.). Vol. 1]. Moscow, Sovjetskaya Entsiklopediya Publ.; OGIZ Publ., 1935, p. 83. (In Russ.)
9. Tsvetaeva, M.I. *Sobr. soch v 7 tomakh. T. 1* [Collected Works in 7 Vols. Vol. 1]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 640 p. (In Russ.)
10. Mandelshtam, O.E. *Poln. sobr. soch. i pisem v 3-kh tomakh. T. 2*. [Complete Works and Letters in 3 Vols. Vol. 2]. Moscow, Progress–Pleyada Publ., 2010. 760 p. (In Russ.)
11. Mandelshtam, N. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 552 p. (In Russ.)
12. Senderovich, S. Ya. *Morfologiya zagadki* [Morphology of a Mystery]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury-Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)
13. Gershtein, E.G. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1998. 518 p. (In Russ.)
14. *Kommentarii N. Ya. Mandelshtam k stikham O.E. Mandelshtama v zapisi V.M. Borisova. Publikatsiya S.V. Vasilenko* [N. Ya. Mandelshtam’s Commentaries on O.E. Mandelshtam’s Poems Written by Borisov, V.M. Vasilenko, S.V. (Publ.)]. “*Sokhrani moyu rech...*” *Mandelshtamovskij almanakh. Vyp. 6* [“Save My Words...” Mandelshtam Anthology. Iss. 6]. (In Press.) (In Russ.)
15. Lotman, Yu.M. *Roman A.S. Pushkina “Evgenij Onegin”* [A.S. Pushkin’s Novel “Eugene Onegin”]. Leningrad, Prosveschenie Publ., 1980. 416 p. (In Russ.)
16. Lotman, Yu.M. *Son — semioticheskoe okno* [A Dream — a Semiotic Window]. Lotman, Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Gnozis Publ., Izdatelskaya gruppa “Progress” Publ., 1992. (In Russ.)
17. Mandelshtam, N. Ya. *Tretya kniga* [The Third Book]. Moscow, Agraf Publ., 2006. 559 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Mandelshtam, O.E. *Poln. sobr. soch. i pisem v 3-kh tomakh. T. 1* [Complete Works and Letters in 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Progress–Pleyada Publ., 2009. 808 p. (In Russ.)
2. Mandelshtam, O. *Tsynagka* [A Gypsy Woman]. *Novyj mir* [New World]. 1927, N6, p. 80. (In Russ.)
3. Mandelshtam, O. “*Segodnya nochyu — ne solgu...*” [“Tonight, I Will not Lie...”] *Leningrad* [Leningrad]. 1925, N20, p. 4. (In Russ.)
4. Shindin, S.G. *Stikhotvorenie Mandelshtama “Segodnya nochyu, ne solgu...”: opyt “kulturologicheskoy*